

ЕГО СЛАВА СВЕТИТ НАМ В ОКНА

Воспоминания о Л. В. Собинове

Мы по-прежнему живем в проезде Московского Художественного театра в том самом доме, где возле отца прошло мое детство. И внизу, у нашего подъезда, на серой стене прибитая большая гранитная доска, на которой золотыми буквами врезано: «Здесь жил с 1921 по 1934 гг. великий русский артист Леонид Витальевич Собинов».

Всякий раз, когда я возвращаюсь домой, вспоминаю, как шла девчонкой, держась за руку отца. Вся улица оборачивалась на него — кто с уважением, кто с восторгом, кто с нескрываемым почтительным любопытством. «Вон, Собинов пошел!... Леонид Витальевич...» И отец едва успевал снимать шляпу в ответ на приветствия.

Я привыкла к тому, что отца все знают и любят, и считала это само собой разумеющимся. Но все же, когда меня пятилетней девчонкой в первый раз взяли на спектакль и я увидела отца на сцене, сразу узнав его, несмотря на грим, парик и костюм Ленского, когда я услышала, как неистово аплодирует огромный зал, мое ребячье сердечко переполнилось гордостью.

Впрочем, через акт оно было тяжело истерзано, когда моего «папочку-Ленского» у всех на глазах застрелил Евгений Онегин. А потом дома, когда к отцу пришел его товарищ по сцене, известный баритон Минеев, певший Онегина, я ни за что не хотела здороваться с ним.

Так и не пожалела руки, которая за несколько часов до этого держала пистолет.

Конечно, с годами я все серьезнее начинала понимать удивительное искусство отца. Особенно, помню, поразил меня один из спектаклей оперы «Евгений Онегин» в 1929 году. Я была до глубины души потрясена Собиновым — Ленским и, как умела, сказала потом об этом отцу. Вскоре он подарил мне свой портрет в роли Ленского с надписью: «Родная детка Светлана, воспоминаний почасе о папином спектакле оп. «Евгений Онегин» 29 апреля 1929 г. в Большом театре, на котором ты присутствовала и потом так благодарила папочку за доведенное удовольствие...» Этот портрет и сейчас висит у меня в комнате.

Где бы я ни бывала — в театре, в своей школе, у знакомых, на улице, — на каждом шагу убеждалась, что для миллионов людей Собинов — не только несравненный певец, великий артист, гордость нашего театра, но человек, и в жизни вызывающий всеобщее уважение.

Со всех сторон я слышала о его демократизме — о том, как щедро, бескорыстно помогал он в трудные царские годы бедным студентам, как поддерживал революционную молодежь, часто ставя себя в трудное,

опасное положение и вызывая ненависть реакционной верхушки России. Не случайно в первые же годы революции отец стал директором Большого академического театра в Москве.

Когда я выросла уже настолько, что родители стали брать меня в далекие зарубежные поездки, я смогла убедиться, как велика в Западной Европе слава Собинова, какую любовь он завоевал и там.

В 1933 году мы были в итальянском городе Монтекатини. Однажды я услышала под нашим балконом чудесные голоса. Знаменитая певица Тотти дель Монте и прославленный баритон Монтезанте вместе с популярным дирижером маэстро Сабаино, узнав, что в отеле остановился Собинов, собрались на улице и втроем начали квартет из «Риголетто», вызывая отца выйти на балкон и стать четвертым участником.

В Италии отца хорошо знали и помнили по его шумевшим гастролям. В 1904 году он в первый раз выступил на сцене знаменитого театра Ла Скала в Милане, где спел партию Эрнесто в «Доне Паскуале» Доницетти. Через год весь Милан восторженно принимал его в «Травиате» и «Фра-Дьявола», «Манон» и «Фальстаф». Все были пленены не только голосом истинного «теноре ди гра-

ция», но и его безукоризненным итальянским произношением.

Как известно, отец выступал не только в Италии. Вместе с Шаляпиным в 1907 году пел он в Монте-Карло. В том же году Собинов пленил берлинцев, выступая в той же опере — «Мефистофеле» Бойто, но вызвал недовольство знати, близкой ко двору. Когда оркестр стал безнадежно отставать, путая певцов, он позволил себе отбивать такт ногой в присутствии императора Вильгельма II. Собинов, как это было всем хорошо известно, всю жизнь больше считался с музыкой и ее истинными ценителями, чем с этикетом и коронованными особами.

Не только Италия и Германия, но и Мадрид, и Лондон, и Париж, и Варшава, и Финляндия слышали замечательный голос Собинова. И, пожалуй, в том, что он не прозвучал ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне, есть и моя немалая доля вины.

Отец относился ко мне с какой-то постоянно встревоженной нежностью, вечно опасаясь, что со мной что-нибудь случится. Поэтому, когда в 1924 году известный антрепренер Сол Юрок предложил Собинову многомесячные гастроли в Америке, отец категорически отказался: брать меня, тогда четырехлетнюю, в далекий заокеанский вояж он не решался,

а расставаться надолго не захотел.

...При жизни отца говорили: «Собиновский дом — дом открытых дверей». За обедом отец, бывало, спрашивал у мамы: «Скажи, а кто вон тот с усами, что сидит с краю?» И сейчас мы стараемся, чтобы двери нашего дома оставались открытыми для всех, кто любит искусство, кто помнит Собинова или хочет узнать о нем.

По-прежнему у нас в квартире можно встретить многих известных или начинающих артистов, художников, музыкантов, режиссеров, писателей, студентов музыкальных и театральных вузов. И гостей из-за рубежа: того же Сола Юрока, известных болгарских певцов-теноров Димитра Узунова и Николу Николова, или общественного деятеля США мистера Роберта Даулинга.

Каждый предмет, каждая мелочь в нашей квартире, начиная от портретов отца, изображенного в разных ролях, и кончая его роялем, который был выбран ему Рахманиновым, напоминают о жизни, об огромном творческом пути и чистой всенародной славе Собинова.

А мне, скромному режиссеру-педагогу, радостно оттого, что я работаю в области, смежной с той, которую прославил отец. Каждый день я направляюсь в Собиновский переулок: в доме, где когда-то обучался отец, находится теперь Государственный институт театрального искусства.

Светлана СОБИНОВА.